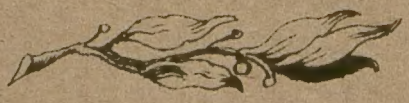
ЛБ 16
66

ЛБ16 66

М. К. СМОТРОВ

ДОСТОЙНЫЕ СЛАВЫ



Ростиздат 1944.

1516
56

М. К. СМОТРОВ

ДОСТОЙНЫЕ СЛАВЫ

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д. — 1944

2-й экз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
802880V

ПРЕДИСЛОВИЕ

В июле 1942 года отборные дивизии вооруженных до зубов гитлеровских головорезов ворвались в пределы донских земель. Колхозники и рабочие совхозов покидали родные места, угоняли в глубь страны скот, увозили общественное и государственное имущество, не оставляя его захватчикам.

Парашютные вражеские десанты крайне затрудняли эвакуацию. Уходившие на восток гурты скота, тракторные колонны, обозы с детьми и женщинами непрерывно подвергались бомбежке с воздуха и обстрелу с танков, прорывавшихся в тыл. Были случаи, когда немецко-фашистские мерзавцы поджигали степь, стремясь пламенем пожаров заставить эвакуирующихся возвратиться домой.

В таких безмерно тяжелых условиях колхозники и рабочие совхозов Ростовской области, под руководством советских и партийных работников, преодолели труднейший путь по сухим, безводным приволжским степям и угнали за Волгу свыше полумиллиона голов скота, принадлежащего колхозам и совхозам.

О людях, совершивших этот подвиг, рассказано в этой книжке. Автор ее, являясь одним из партийных работников, руководивших эвакуацией, не претендует на художественность изложения. Но он правдиво передает то, что было,—думы, переживания, радость и горе простых советских людей—колхозников, колхозниц, рабочих совхозов, отважных советских детей, их героизм, готовность пожертвовать жизнью во имя долга перед народом, перед Родиной.

Великой гордостью за мужественный народ наш и безмерным гневом к зверю-врагу наполняется сердце, когда читаешь скупые строки о героических подвигах русских людей. На глазах Мефодия Ивановича Бондаренко фашистские стервятники в клочья разнесли сына, тяжело ранили дочь. Но горе не сломило волю этого мужественного советского человека; похоронив сына и положив дочь в больницу, он продолжает выполнять свой долг перед Родиной и угоняет скот от врага. Или подросток Чемерисов. По заданию колхозницы Пономаревой, попавшей со скотом в немецкое окружение, он едет в разведку искать путь, которым можно было бы вывести скот и самим уйти от врага. Рискуя жизнью, он отважно выполняет задание.

Вот доярка тов. Бакулина А. Г., совхоза им. Сталина, Морозовского района. Не страшась вражеской бомбежки, она бросается в Дон, чтобы наладить переправу скота вплавь через реку, и остается в воде до тех пор, пока скот не переплыл на левый берег Дона.

Так могут поступать только люди, глубоко любящие свою Ро-дину—свое социалистическое отечество.

В книжке тов. Смотрова отображена ненависть советского на-рода к захватчикам, твердая вера в то, что неизбежно настану-светлые дни наших побед, дни разгрома врага.

Железная воля товарища Сталина вдохновляла колхознико-на всем их трудном и славном пути, и они твердо верили в ге-ний своего вождя и учителя. «Как Сталин сказал, так и будет»—с этой верой люди преодолевали все тяготы и невзгоды, выпол-няя свой патриотический долг перед Родиной.

Героическая Красная Армия, под мудрым водительством твор-ца наших побед—товарища Сталина, разгромила фашистски-полчища и очистила Ростовскую область от захватчиков.

Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о возврате скота, эвакуированного в восточные и другие районы страны. С огромной радостью колхозники Ростов-ской области встретили это решение, создававшее базу для вос-становления колхозного хозяйства Дона.

Исполком Ростовского областного совета депутатов трудящих-ся и Бюро Обкома ВКП(б) наградили почетными грамотами свы-ше 500 лучших людей нашей области, спасших народное добро от фашистских захватчиков.

Сейчас эти люди, возвратив скот из эвакуации, трудятся в колхозах и совхозах над восстановлением разрушенного немцами хозяйства. Тов. Пономарева работает заведующей фермой в Ро-дионо-Несветаевском районе. Тов. Заверюха, ранее работавший бригадиром и председателем колхоза, сейчас возглавляет райдор-отдел Милютинского райисполкома. Доярка А. Г. Бакулина доби-вается высоких удоев в совхозе им. Сталина, Морозовского райо-на. Замечательная патриотка, бывшая свинарка колхоза им. Ста-лина, Дубовского района, Н. Г. Чувилова работает заместителем председателя этого колхоза. Бывший бригадир колхоза «Комсо-молец», Милютинского района, А. Г. Тараненко несет теперь обя-занности председателя колхоза. Харитон Дмитриевич Романчен-ко, тот, что взял на себя команду переправами на Волге и вос-станавливал их после жестокой бомбежки 22 августа,—восстанав-ливает свой колхоз «Торжество революции», Орловского района и т. д. Все они добились хороших успехов в борьбе за выполне-ние ответственной задачи—в ближайшие 2—3 года восстановить поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней в довоенных размерах.

Заместитель секретаря Ростовского Обкома ВКП(б)
А. КОВАЛЕВ

Богаты колхозные хутора и станицы Дона.

На широких просторах черноземной степи казачьей золотятся бесайние нивы; как море, переливаются шелковистые ковыли; в садах плодов гнутся деревья; всюду, куда ни глянь, блестят на солнце ротные дороги; машины со всяким добром бегают по ним день и ь; и станицы, станицы у живописных рек, — широкие, раздольные, пающие в зелени деревьев степные города Тихого Дона.

Много добра водится на казачьей земле: табунами ходят по ней чаки и неисчислимые отары белоснежных овец; всюду стоит гомон машней птицы: на колхозных фермах — коровы-рекордистки, налие салом свиньи, породистые куры Леггорны; в тенистых садах — ядные пчелиные пасеки. Не перечислить добра колхозного Дона. лько зерна одного собирали на полях его сотни миллионов пудов, а са, масла, молока, яиц, фруктов — тысячи тонн!

Славно, счастливо жили на Дону советские люди.

Но вот на Родину напал свирепый, наглый враг. Неся невиданные ери, кровожадные орды фашистов, как голодные псы, бешено рваь к югу нашей страны, к советскому хлебу, мясу, маслу. Над Тиим Доном нависла черная туча войны. И тогда от станицы к станице, звон набата, прокатился клич посланцев партии и правительства:

— Ни жмени хлеба, ни килограмма мяса врагу! Все увезти в глубь раны!

И зашумели, взволновались казачьи курени, и потянулись на восток конечные обозы с людьми и добром народным, поползли по донским пям тракторы и комбайны, телеги и арбы, запылили по дорогам табуны лошадей и гурты скота, отары овец и стада свиней, и поднялось казачьей земле такое, чего она не видала еще никогда. Мыча и здымая копытами пыль, быки и коровы норовили повернуть домой; лея и сбиваясь в кучи, овцы не хотели покидать кашар; беспокойно жали и выбегали из табунов лошади и мчались назад в родные коыльные степи. Но колхозники настигали их и гнали на восток, а у амих сердца сжимались от боли и на глазах блестели слезы. Что они, ирные советские люди, сделали такого, что вынуждены покидать роимые хаты и искать убежища в неведомых далеких краях?

С болью в сердце уходили люди из своих куреней. Плакали ребяишки и женщины, украдкой смахивали слезу мужчины, иные брали с

собой горсть родимой земли, зашивали ее бережно в ладонку. Думалось: «Пусть будет с нами... Воротимся мы. Поляжет костьми от руки русской проклятая немецкая погань»...

А враг бешено рвался вперед. В небе шныряли его черные стервятники, бомбами забрасывали станицы, колхозные и совхозные фермы свинцовым дождем поливали мирных советских женщин, детей и стариков.

Смерть смотрела в глаза людям на каждом шагу, но они все шли на восток, ускоряя шаг и подгоняя скот, и на хмурых лицах их была печаль и лютая злоба. Никогда, никогда не забудет этого врагу русский человек и кровью отомстит варварам за безвинную кровь мирных советских людей — стариков, детей и женщин!

Много шло на восток донских людей, много добра народного увозили они от врага в глубь Родины, но немногие знали, как труден будет путь и какие лишения придется испытать в дороге.

Вот колхозница Чувилова. Годами она любовно выращивала замечательных свиней в колхозе им. Сталина, Дубовского района, а когда надо было итти на восток, Нина Григорьевна набросала в мешок харчей и погнала двести тридцать свиней. Ни раскаленный зной, ни путь далекий и безводный, ни вражьи бомбежки — ничто не могло сломить патриотического порыва простой русской женщины. Она изнывала от жары, не смыкала глаз по нескольку ночей, но продолжала свой путь на восток, чтобы угнать свиней от врага.

Вот колхозник Заверюха. Ему вверили скот колхоза им. Кагановича Милютинского района, но не успел он дойти до Морозовска, как попал под бомбежку. Старый колхозник не растерялся, стороной вывел скот и людей из опасной полосы, однако у Цымлы появился самолет со свастикой, стал подавать какие-то знаки и прострочил по обозу из пулемета. Тогда колхозники и старый солдат Заверюха, воевавший с немцами еще в первую мировую, выждал, пока самолет улетел, объехал станичников и, свернув с большой дороги на глухую, снова двинулся в путь. Но впереди, у хутора Западного, были немцы. Заверюха дождался ночи в балке, стороной угнал скот ниже по Дону и там, под вражеской бомбежкой, переправил его на ту сторону.

Вслед за ним уводил от немцев народ и спасал колхозное добро председатель колхоза «Политотделец», коммунист Яков Степанович Орищенко. Станица Цымлянская была уже занята немцами, а в Николаевской они сильно бомбили переправу, но Яков Степанович на рыбацких лодках переправил через Дон всех людей, скот и многочисленные повозки.

Вот комсомолец Миша Косенко, из колхоза «Общий труд», Морозовского района. С раннего детства он страстно любил лошадей и настоял, чтобы ему доверили сопровождать колхозный табун — девяносто голов лошади. Подошли лошади к Цымлянской, а ее немцы бомбят. Испугались лошади взрывов, разбежались, но Миша собрал табун и ночью переправил коней на левый берег Дона.

Вот молодая Бакулина. Когда работники Морозовского зерносовхоза Сталина гнали около четырехсот коров и молодняка, кругом все гу-ло от взрывов вражеских бомб и артиллерийской стрельбы и по но-ам пламя пожаров озаряло темное небо. Но Антонина Бакулина забы-ла о страхе, кинулась в Дон и не давала скучиваться скоту. Животные ревели от испуга, подминали ее под себя, но она продолжала свое де-ло до тех пор, пока весь скот не оказался на левом берегу, а потом успокоилась и с песнями продолжала свой путь.

Или чабан колхоза им. Молотова, Орловского района, Алексей Тара-сенко. Он немного отстал от своих и попал в окружение. Тогда он по-гнал скот балками, скрылся от немцев и, переждав до ночи в логу, благополучно доставил к Волге семьсот пятьдесят колхозных овец.

Или инвалид-чабан Михаил Андреевич Самойлов из колхоза «Па-мять Ильича». Трижды он попадал во вражеское кольцо. «Нет, анафем-ские души, не завладать вам нашим добром!» — думал старик и всякий раз овражками да балками угонял скот от врага...

Или председатель соседнего колхоза, коммунист Иван Шамило. Из-под обстрела он угнал всех лошадей и весь рогатый скот. Был такой день, когда немцы находились от него в девяти километрах, но он не растерялся и, под покровом ночи, спас колхозное добро...

И так — все. Забыв об опасностях, преодолевая страх и усталость, по главным шляхам, по глухим дорогам и просто по степи — люди на виду у врага гнали к Волге, на Кавказ, на Каспий сотни тысяч голов колхозного и совхозного скота и не бросили на пути ни одного живот-ного. Они не разбегались при появлении вражьих самолетов и с хво-стинками в руках торопливо шагали в облаках пыли, понукая живот-ных, и думали о том, когда вернутся домой, — думали, потому что зна-ли: они уходят не надолго.

* * *

Стояла жаркая, июльская пора. На небе — ни облачка. Время от времени проносились над степью обжигающие горячие ветры. Трава дав-но почернела, стала жесткой, как щетина, и измельчалась под ногами в пыль. Степи — почти безводные, селения разбросаны редко, а до Вол-ги предстояло итти полтора месяца.

На привале, в неглубокой балке, колхозник из Ремонтненского рай-она говорил приятелю Каплунову:

— Гиблые тут места. Не доведем скот до места — поморим.

Тот взглянул на него, как на клятвонарушителя, и не сразу от-ветил:

— Слов нет, — глушь, плохо с водой, но скот мы должны спасти. Мне вот препоручили сто девяносто голов скота колхоза «Красный пар-тизан», и я поклялся народу сохранить его. Умру, но скот сберегу. Не-долго немцу лютовать на Дону. Взойдет и над нашими воротами крас-ное солнышко.

Покурили, отдохнули, напоили волов, овец и двинулись дальше.

Идут, а мысли прикованы к оставленным хозяйствам, к родным близким. Что там, дома, в местах, которые сейчас топчут сапоги захватчиков? Больно сжимается сердце от мысли: «А что если не сумеем, не успеем уйти от врага?» И, чутко прислушиваясь к орудийному гулу, ускоряют шаг и настойчивее понукают животных.

Это — колхозники. А вот работники Пролетарского племхоза № Хорошо, счастливо работалось и жилось в совхозе и старому и малому. По когда фронт приблизился к совхозу, четыреста рабочих, специалистов, женщин и детей снялись с родимого места и погнали на восток двадцать тысяч голов овец и много другого скота, увели автомашины, тракторы, взяли с собой моторы комбайнов, детали станков мастерских, электростанции, маслозавода, мельницы, все продовольственные запасы. Врагу не осталось ни фунта мяса, ни крошки хлеба.

— Не попользуетесь, немецкие псы, нашим добром, — оставил племхоз, сказала председатель поселкового совета Пелагея Иванов Адаменко. — Советская власть была, есть и будет, а вы, живоглоты, найдете себе могилу в наших просторах, и мы опять вернемся.

Бережно насыпав в платочек горсть земли, она связала в узел дела совета, спрятала печать и пошла вслед за обозами.

Племхоз угонял от врага двадцать пять отар племенных овец, и чабаны, с перекинутыми через плечи гирлыгами, шли впереди овец. позади них двигались гурты коров и гулевого скота, табуны дончаков и женщины, дети, старики на подводах, на тракторных тележках, машинах. Распорядок жизни в пути мало чем отличался от распорядка в совхозе. Каждый гурт возглавлялся старшим чабаном или гуртоправом для жилья были взяты тракторные вагончики и будки, при каждой отаре и гурте имелись бочки, щиты, корыта, сторожевые собаки.

Двадцать два коммуниста возглавляли эвакуацию этого огромного хозяйства. День и ночь не спали директор Лыскин и начполитотдела Опенкин.

— Дошли мы до Дивного, а там село и станция горят и враг близко, — рассказывали они. — Посоветовались с работниками Обкома партии и решили: двигаться по правому побережью Маныча, — на Улан Малч—по глухим, недоступным местам. Пески там, нет пресной воды, полынь. Степь впереди подожжена вражескими парашютистами-диверсантами, чтобы помешать эвакуации скота и имущества. Ну, стали рыть колодцы, и пробиваться к Каспию. Часто попадали в «мешок», двигались параллельно с немцами, почти на виду у них, держа наготове автоматы и гранаты. Сто двадцать километров шли без воды.

* * *

Недалеко, за хутором сотрясала воздух артиллерийская канонада. Жутким эхом разносилась она по степной шири и казалось, что это тяжко вздыхает сама земля, не желая покориться наглому захватчику.

Задумчиво маячили в степи старые курганы. Седым ковылем порос-
они, много врагов видели в течение веков и знают они: немало вра-
ких костей осталось лежать прахом в степном просторе. И вот
ва враг топчет эти вольные донские шири. Скорей, скорей угонять
хозный скот, чтобы не достался иноземцу!

Потому и спешит колхоз «Новый путь», Родионо-Несветаевского
она.

Подымая серые тучи пыли, днем и ночью скрипят повозки, то-
ливо шагают волы, увозя народное добро и советских людей подаль-
от фронта.

Не зная устали, идет на восток коммунистка Пономарева. Везде вп-
ее зоркий хозяйский глаз, и днем и ночью слышится ее бодрый
ос:

— А ну, бабоньки, девочки, торопитесь, милушки, слышите гул
дий? Что у вас волы бредут еле-еле?

Орудия гремят кругом. Куда итти? Где враг и где свои? Может,
ше свернуть на Астрахань? И Пономарева отправляет вперед под-
тка Чемерисова на разведку. Она дала ему незавидную лошаденку,
бы кто не польстился на коня, материнski-тепло потолковала:

— Смотри, не попадись немцу, — напутствовала она. — Будь осто-
кней, хитрость, в случае чего, казачью в ход пусти.

— Будьте спокойны, тетка Таиса. Все сделаю, — улыбался развед-
, гордо восседая на коне.

И вот стоит Пономарева в поле с табором колхоза в ожидании вс-
й от разведчика, а у самой сердце ноет. «Попали, кажись, в беду...
омеж жизни и смерти сейчас и блоха не проскочет, а не только ко-
ы»...

Когда терпение Пономаревой подходило к концу и можно было сде-
ь непоправимую ошибку, из-за бугра показалась сивая лошадка, а
ней запыленный Чемерисов. Кинулась к нему Пономарева, на-бегу
кнула, задыхаясь:

— Ну, как, ну, что?

— Впереди немцы. Там такая война, что меня чуть не сбрило с
ла. А пули так и жужжат, так и летают, как пчелы, — доложил
едчик и запекшимися губами припал к жбану с теплой солоноватой
ой.

Оказалось, пробиться на «Черный Яр» было невозможно, — враг
резал дорогу. Делать нечего, нужно было итти окольным, безвод-
м путем.

И повернул табор колхоза со скотом и людьми в сторону полупу-
ных астраханских степей.

Идет Пономарева со своей дочерью и думает: удастся ли им, жен-
нам — в таборе были одни колхозницы — вынести все тяготы и со-
нить скот? Вот опять подружки ее начали ахать да охать. Подошла
ним Пономарева и ласково, задушевно говорит:

— Бабоньки, милые, что вы раскудахтались? Что головы повес
ли, голубоньки?

И в таборе стало веселей, спокойней. Всяко бывало в пути — и
садовали, и всхлипывали женщины по слабости: то с колесом что с
чится и оно начинает чертить ныльную дорогу, то дышло в арбе по
мается, то муж, что бьется с врагом, вспомнится...

Долго табор колесил по степи. Не одну сотню километров отмери
рассохшиеся, несмазанные колеса, не одну бессонную ночь провела П
номарева, вспоминая мужа, где-то на фронте отстаивающего советск
землю от кровавых захватчиков.

На подходах к Волге враг стал чаще бомбить таборы. Как-то р
когда Пономарева готовилась в путь, воздух наполнился страшным
лом самолетов, а через минуту вокруг табора разверзся ад. С леде
щим душу воем падали вражьи бомбы, с визгом швыряли оскол
вздымали фонтаны земли, и от зловещих вспышек их расступал
кромешная тьма, и казалось, что лопается и горит земля.

Люди в страхе припали к земле, иные шептали молитвы, иные
сылали проклятия на голову палачей, а Таисия Андреевна ползком
редвигалась по земле и тихо, ласково говорила:

— Не пужайтесь, бабонки, лежите и не поднимайтесь. На всяк
беду страху не напасешься. Покидают, покидают и улетят, проклять

Едва только рассвело, женщины развели костры из полыни и
хого помета, стали готовить неприхотливый завтрак. Таисия Андрее
осматривала арбы, приглядываясь ко всему хозяйски, внимательно, т
хвалила, другому мягко выговаривала, и женщины забывали о стра
ной ночи.

Немного передохнув, — вновь со своим табором двигалась в п
Пономарева, и бодрящий звонкий голос ее слышался всюду, и от э
как-то легче переносилась жара, жажда.

А жара стояла нестерпимая. Белье прилипало к телу, пот гра
катился по лицу, пыль заполняла рот, легкие и трудно было дыша

С каждыми сутками путь становился все трудней, места — глух
пустынней. Уже по два-три дня скот непоен, и последние запа
воды люди делят меж собой по капелькам. Некоторые животн
ложатся, но их подбирают и везут на тракторных тележках,
возах и корытах, которые вереницей тянутся на колесах за
бапскими домиками.

Вот по пыльной дороге устало шагают две девушки. Догнавший и
секретарь райкома партии останавливает лошадь:

— Никак телят несете, девчата?

— Телят. Стадо наше ушло вперед, а эти вот пристали. Ну, мы
несем их до табора.

— Ай да молодцы! Давайте их на линейку и сами садитесь.

— Спасибо, донесем как-нибудь... Каждый день приходится
носить...

— Вы чьи же будете, девушки? — спрашивает секретарь, доставая
исную книжку.
— Кабакова Варя, а это моя подруга Паша,—отвечает голубоглазая.
Секретарь райкома встает с линейки, кладет на нее телят и идет
евушками рядом, расспрашивая их о состоянии животных и записы-
что-то в книжку...

* * *

...Шли дни, — беспокойные, полные тревог и опасностей, тяжкие
отступления. Всюду, куда ни глянь, бесконечными вереницами,
имая к небу тучи пыли, тянутся по степным дорогам совхозные и
хозные обозы. Изнемогая от жары и мучительной жажды, тоскливо
ется скот, воспаленными от пыли глазами озирается по сторонам,
ало ревет, словно воды просит. Но воды нет.
Обливаясь соленым потом, часто вытирая потрескавшиеся от жары
ы, то и дело вынимая застрявшие в босых ногах колючки, гонит
Софья Трофимовна Рубанова, из колхоза «Колос Ленина», Родио-
Несветаевского района. На ходу она бросает дочери Вере:
— Ты, дочка, хоть бы села на подводу, немного отдохнула. А Тася
ть пока гонит.
— Я не устала. Мне бы... — отвечает Вера и умолкает.
Она говорит неправду. Софья Трофимовна видит смертельную уста-
ть на ее истомленном лице, во всех ее движениях, видит, как она
ает сухие, обескровленные губы. За весь день Вера еще ни глотка
ы не брала в рот, достать ее здесь негде — сушь страшная, степь
людная.
Крепится, молчит девушка. Смахивает навертывающиеся на глаза
зы и думает: «Хоть бы глоточек! Один глоточек!» Наконец, обесси-
ная, говорит младшей сестре:
— Тася, гони пока, золотко, одна. Ноги у меня подкашиваются,
ва кружится.
С трудом передвигая ноги, она идет к дрогам, но взобраться на них
может. Ей дурно, в ушах — колокольный звон, язык распух.
— Мама, хоть капельку, милая... — шепчет Вера прерывающимся
осом.
— Верочка, кровиночка моя, ну что же я поделаю?..
Слезы катятся по щекам матери, но достать воды нигде нельзя, —
отбились от других таборов, а вблизи никого не было, да и вряд ли
ого нашлась бы вода.
Вторая дочь—Тася—гонит скот, едва передвигая исцарапанные ко-
мючками, кровоточащие ноги. Она смотрит на мать потускневшими,
ными глазами, и мать видит, что и она страдает не меньше сестры.
умает мать: «И эта вот-вот свалится, и я едва ноги волоку. Что же
ло? Неужто не перетерпим?»
Смахнула слезы Софья Трофимовна и опустила голову. Долго она

шла так, а когда подняла голову, лицо ее озарилось радостью и бросилась к дочери в кибитку:

— Дочка, милая, подъезжаем уже к колодцу.

Наконец, на раскаленную солнцем землю опустилась ночь—душ тяжелая. Но теперь она была не страшна — колодец был рядом. подбодрила скот, повеселели люди, захлопотали возле костров, гот кандер, галушки, и жадно ели их и пили чай, заваренный степной т кой «Петров крест», и вскоре табор погрузился в сон.

Старая Рубанова сидела на дрогах, пристально вглядывалась в н ную темень, прислушиваясь к каждому шороху. У дрог лежали во медленно пережевывали траву, тяжко вздыхали. Чуть поодаль дре большой пес.

Рубанова не спала, но ясно, ясно видела: вот нескончаемым м золотится колхозная пшеница, как зеркало блестит вдали мирная г реки, серебристый тополь шелестит у хаты...

Вдруг собака слегка завыла. Женщина вздрогнула, насторожил С запада донесся ровный рокот моторов. Гул их все нарастал, с к дым мгновеньем становился сильней и отчетливей. «Летят, про тые!» — подумала Софья Трофимовна.

Вскоре где-то в ночной дали послышались глухие разрывы б полыхнуло зарево пожара. С минуты на минуту оно разгоралось ярче, и небо стало багровым. Страшно сделалось в степи. Люди при в движение, некоторые начали было собираться в дорогу, но Руба успокаивала их, советовала рассыпаться по сторонам, помогала таскивать брички.

Скот заволновался, стал мычать, лошади навострили уши, фы ли. В озаренном пожаром просторе засуетились соседние таборы, нимались в путь, опасаясь, чтобы не настиг страшный степной по

Софья Трофимовна разбудила дочерей:

— Поджег степь враг лютый. Надо подниматься, а то сгореть долго.

Двинулась со скотом семья Рубановых. А степь горит, небо за лают тучи черного дыма, наводя на людей ужас. Но люди идут вп

Идут ночь, день. Снова томит жара, снова до тошноты мучит ж да. Падают, изнемогая, колхозники, падает скот, но, собрав послед силы, опять поднимаются и тянутся, тянутся все дальше на восто волжским берегам.

В пути трудно было следить за событиями. Газеты удавалось ставать лишь случайно; их с жадностью прочитывали, они перехо из рук в руки.

Партийные и советские работники Ростовской области ездили по пи, рассказывали о положении дел в стране и на фронтах Отечест ной войны, но не всегда и не все могли услышать их сообщени вражеские самолеты разбрасывали свои грязные листовки, перепол ные клеветой на советскую власть, на русский народ, на правит

о. Но советские люди с презрением проходили мимо вражьих ли-
вок, иные, не читая, топтали их и плевали с отвращением, другие
пользовывали их «по своему усмотрению»..)

— На курево, что ли, хочешь приспособить — вертишь в руках?— шивают старика-казака из Морозовского района.

— Какое—на курево! По нужде думаю пустить — страсть как но будет...

Хохот катился по табору, а старик сердито продолжал:

— Хотят, сволочи, ослабить советскую власть. Не выйдет! Четыре а у меня в казачьей части рубают немецкую погань. Надо будет— пойду, закончу счет за прошлую войну, за отпиленную ногу рас-таюсь. А брехню ихнюю я и не читаю,—нечего русскому человеку ть. У них рот на распашку, язык на плече. Стелят да мелют, врут летут...

Раз как-то, на дорогу, где гонщики вели много колхозного скота, з линию фронта прорвалась немецкая бронированная машина. Она новилась. Пьяный, краснолицый офицер, окруженный несколькими атами, стоял у машины, размахивал пистолетом и выкрикивал что-риплым голосом на непонятном, чужом языке.

Переводчик сказал:

— Господин офицер требует, чтобы вы вернулись. Красная Армия ита, большевикам—конец. Кто не погонит немедленно скот назад— т расстрелян.

Колхозники упрямо не поднимали голов, будто приглядываясь к -то под ногами, на дороге. Исподлобья смотрел на непрошенных го-стоявший немного поодаль старик-казак. В его глазах была чуть тная насмешка, но он старался скрыть кипевшую в душе злобу ненависть к врагу. Когда офицер умолк, старик сказал переводчику:

— Передайте вашему господину офицеру, что мы согласны. Но нам посоветоваться со старшим гонщиком. Скажите—мы просим по-ть его. Он тут, неподалеку, вон в той хате...

Выслушав переводчика, офицер кивнул головой в знак согласия. ик побежал к стоявшей под обрывом хате, в которой — знал он — дились красноармейцы. По указанию старика, они искусно окру-гитлеровцев и захватили их. Ошарашенные немцы сдались почти сопротивления. Один из них, знавший немного по-русски, бормотал:

— И откуда взялись вы только? Не по правилам воюете...

Командир Красной Армии тепло поблагодарил старого казака. Тот, нувшись по-военному, ответил:

— За что благодарить, товарищ командир? Теперь и я душу отвел. меня ведь сыны на фронте, ногу в прошлую мировую отняли по ми-и этих паскуд... Вы их что, рубать будете аль как?

— В штаб доставим, там разберутся.

— Ну, дело ваше. А я секанул бы их, проклятых гадов, по-нашему, казачьи — с плеч до пояса...

* * *

Нелегко было сотни тысяч животных перегнать через безвод степи. Приходилось посылать гонцов вперед искать воду, корм, р колодцы. Но животные не ели корм; завидев колодцы, они, непоен по два-три дня, бросались к воде, давили друг друга, а вскор колодцах лишь мутная жижа оставалась. И люди брали ее и цед через платки, чтобы хоть во рту смочить можно было, а не то что питься.

А враг неистовствовал. На бреющем полете он обстреливал та ры, как стервятник рыскал в светлой лазури неба, бросал в су траву зажигательные бомбы, и она загоралась. Тогда ветер гнал пл по степи, оно начисто слизывало траву, настигало оказавшихся вбл животных, они исступленно метались по огненному кругу, ища спа ния, но им трудно было помочь.

На исходе второго месяца и эта часть дороги осталась позади. К ли, в неясных очертаниях, широкая и могучая, засверкала река. была Волга.

Старик из совхоза № 20, гнавший восемь с половиной тысяч ов глубоко вздохнул, вытер шапкой потное, черное лицо и упал на коле

— Родная ты наша матушка, долгожданная! Прими наш сынов поклон, — благоговейно сказал он, протянув руки на восток, и пок пился земле.

— Волга, Волга! Родная ты наша! — ликуя, загомонили люди, последовали примеру старика.

* * *

Вот и великая русская река. Плавно и торжественно несет свои воды в Каспийское море. Набегают и вновь отступают волны обрывистого правого берега. Вдали кружатся и кричат легкокры чайки. По широкому водному простору идут пароходы, тянутся бар вихрем проносятся сторожевые катера и свежий ветерок доносит с спгельную прохладу.

Люди колхозного Дона, пригнавшие сюда свыше полумиллиона вотных, жадно пили волжскую воду, устало садились на берегу, от хали впервые за многие недели.

На заре к отарам старого чабана Бессарабова подошел бухгал районной конторы «Заготскота».

— Караулишь? — спросил он у старого чабана Бессарабова.

— Да.

— И я караулю.

— Да вы ж, никак, бухгалтер?

— Точно,—конторская душа. Но теперь по ночам охраняю скот днем записи делаю. Народу маловато у нас.

Чтобы не создавать заторов на переправах и избежать, на случай лета вражеской авиации, чрезмерной скученности скота и имущест

боры располагались на десять-двадцать километров от Волги, смотря наличию кормов и воды.

Люди отдыхали, приводили себя в порядок. На траве, на дышлах возок развевались стираное белье и легкая одежда, слышались весе-е песни, звонкий перебор балалаек, задорные звуки гармоники.

...Сначала переправа скота шла медленно — недоставало перевозоч-х средств, но потом из Астрахани прибыли железные баржи и дело шло веселей: каждый день на левую сторону Волги переправлялось ок тысяч голов скота. Однако, порой работали не так, как следова-

Тогда собрались секретари райкомов партии, председатели райис-комов, заведующие райзо, председатели колхозов, работники Ростов-го Обкома ВКП(б), посоветовались, как убыстрить перевозку скота, на другой день переправа пошла дружней.

Но секретарю Романовского райкома ВКП(б) хотелось скорей рас-аться с правым берегом.

— Давай закурим «Нашу марку»—родную, ростовскую, а потом ты парома мне уступишь с полуночи. Долго ждать до утра, — сказал он кретарю Зимовниковского райкома партии.

— За угощение—спасибо. Я выскочил из-под обстрела в одном пид-чке и даже курева не успел захватить. Ну, а в паромных делах не ем ссориться. С полуночи я тебе баржу даю из своей очереди.

— Спасибо на добром слове. Тогда пойдем в наш табор чай пить.

Был конец августа. На небе—ни одного облачка. Солнце так нака-ило землю, воздух, что нечем было дышать и люди укрывались от ары под телегами. Лишь детвора весело шумела на берегу, купаясь Волге, да иные старики хлопотали у походной кузницы, починяя ко-са, передки.

Около кибитки готовили чай. На конце дышла висел большой эма-рованный чайник.

— Можно к вам на чашечку?—спросил ростовчанин.

— Чашек нету, могу предложить банку из-под консервов. Только питие придется, кажется, отложить. Летят, варвары, — надо рас-доточиться.

Народу у переправы собралось много. Каждый помогал друг другу узить скот, имущество, вкатывать на паромы телеги. И в это время есся гул моторов, а вскоре в небе ясно обозначились очертания ажеских самолетов.

Люди бросились врассыпную, кто под кручу берега, кто в ложбин-а иные падали на землю и ждали... Бежать было некуда. Кругом авнина, а самолеты уже развернулись для пикирования.

Миг — и пронзительный свист и тяжкий грохот оглушают все во-г. Фонтанами вздымаются вверх вода и песок, душит чад. С визгом носятся над головами осколки бомб... Потом еще и еще разрывы, вый грохот. В ушах—шум, все дрожит, как в лихорадке, и кажется, колышется земля.

Так длилось несколько минут. Наконец, все двадцать пять самол
тов, швырявшие бомбы, улетели.

— Ну, и стрелки, елки-палки,—насмешливо говорил колхозник
Дубовского района, все время пролежавший в небольшой ямке, в д
сяти метрах от баржи. — Столько набросали бомб—и почти все в во

Но не обошлось без жертв: директор Тацинского совхоза Лысен
и юноша-гонщик были убиты. Из скота погибли одна лошадь и овца.

Вскоре баржа, нагруженная скотом еще до бомбежки, направила
на противоположную сторону, и паромы возобновили работу. А вечер
спять нагрянули фашистские стервятники.

В ночной тьме, во время бомбежки разбежалось более трехсот г
лов скота одного из колхозов Морозовского района. Старик Шуршин
спал всю ночь и к утру собрал скот. Но одной коровы Шуршин не в
шел. Тогда старый колхозник поручил своему помощнику вести скот
переправе, а сам продолжал розыски коровы. И через два дня коро
наконец, была найдена, и Шуршин веселый догнал свой обоз.

— Еду я верхом, — рассказывал он умиленно, — смотрю и глаз
своим не верю: разгуливает по степи моя пропавшая Лилечка. Я
ней: «Лилька, Лилька!» Она узнала меня, подняла голову и заревел
вроде прощения просит, что так глупо поступила. Подошел я к ней, с
с коня, погладил ее по шее и поехал вдогонку за вами. Вон она ходит

В эту ночь одна из бомб попала в табор колхоза «Большевик», З
мовниковского района. Председатель колхоза Бондаренко был контуже
сын его—разнесен в клочья, дочь—тяжело ранена.

Погоревал Мефодий Иванович Бондаренко, похоронил сына, отвез
больницу раненую дочь и погнал скот на переправу.

— Сына убили, ироды фашистские, дочь ранили,—взволнованно г
ворил Мефодий Иванович, — но духа моего, русского духа, не сломит
им! Заплатят, проклятые, за все сполна, кровь за кровь!

Сильной бомбежке подверглась стоянка колхоза «Комсомолец», М
лютинского района. Страшно было лежать в чистом поле и слушат
как рядом рвутся бомбы, и ждать: вот-вот какая-нибудь упадет
тебя. Хотелось бежать без оглядки, куда глаза глядят! Но колхозни
Тараненко не поддался страху и, вместе с подростком-сыном, остался о
ранять колхозное добро. Повозку с продуктами разбило осколками бо
бы, и Тараненко с сыном в течение трех суток без хлеба, без смены
сна стерег несколько сот голов колхозного скота, не потеряв ни о
ной. Когда секретарь райкома партии Крючков спросил, как это он пр
одолел страх и остался на посту, он ответил:

— А как же иначе мог я поступить? До революции гнул я спи
на кулаков. С двадцать девятого года—в сельхозартели. Понял велику
пользу колхозной жизни, вот и берегу колхозное добро... А что это
вас пальцы торчат из сапог? Давайте, я починю.

— Коль можешь, сделай милость. Я из дому налегке. Не хотело
верить, что уходим. Ну, ничего, вернемся домой — новые сошью.

— Домой вернемся беспременно. Не удержаться немцу на Донщине, не найти ему, подлюке, там себе друзей.

Секретарь райкома лежал на выжженной солнцем полянке, протянув в разутые ноги, и, ожидая, пока старик починит сапоги, думал: «С такими нельзя не победить. Русская душа, кремневая».

Враг бомбил паромы, таборы, старался запугать, сбить с толку нашими грязными листовками, но колхозники продолжали свое дело с еще большим ожесточением, и с каждым днем за Волгой все прибавлялось колхозного скота. Но все понимали опасность, знали, что враг осатанело рвется к Волге. Чтобы ускорить переправу, решено было частично перегнать скот через реку вплавь. Председатель одного из колхозов Ртищевского района Михаил Февралев, бывший красный партизан, отобрал полсотни волов, нарядил с десяток колхозников и погнал скот к реке.

День был пасмурный. Солнце почти не показывалось. Дул сильный ветер. По воде бежали белые гребешки, а у берегов нанесло ветром радужной нефти.

Войдя в воду в нижнем белье,—оно сразу же стало черным от нефти,—Февралев крикнул:

— А ну, гоните!

Скот пошел в воду, но как только доходил до глубины, поворачивал обратно к берегу, подминая под себя людей и не обращая внимания на палки и хворостины.

Долго мучились Февралев и колхозники, но толку не получалось.

Придумал тогда Февралев пустить вперед рыбачью лодку с парой волов, привязанных за рога, а вслед гнать остальной скот, но из этого тоже ничего не вышло.

Все это видел председатель колхоза «Торжество революции», Орловского района, Харитон Романченко, которому надо было переправить через Волгу около четырехсот голов рогатого скота, две сотни лошадей и больше тысячи овец. «Вплавь скот не идет, а очереди ждать долго. Что остается—на хитрость пуститься»,—решил он и направился на паром.

Хитрость его была простой: скот своего колхоза он держал вблизи переправы, а сам находился на ней, помогая другим, а потом мало-помалу он стал на переправе вроде внештатного коменданта. К нему шли люди, он давал указания, а сам своим людям шептал:

— Андрей, сбегай до табора, подгони косячок лошадей, мы на этой барже займем вон тот куток.

Или:

— Анна, заведи-ка две повозки вон на тот паром, там еще место найдется.

Так, никого не обижая, Романченко за три дня переправил за Волгу всю живность и имущество колхоза.

Секретарь райкома партии Данилкин, заметив хитрость председат ля колхоза, сказал ему:

— Удается? Ну, продолжай в том же духе — ловко получается. И, подозвав председателя райисполкома Шаблия, продолжал: — Ско у нас много, Николаич, схитрить, как Романченко, не удастся. Дав строить собственную переправу. Возьми колхозников, спустись с ни ниже, к Астрахани, и начинай, а я с остальными останусь здесь, Никольской.

На третий день группа людей, возглавляемая Шаблием, подош к Копанской переправе. Паром здесь работал плохо, место—очень ш рокое и неудобное.

Шаблий — опытный хозяин, за это правительство наградило е медалью «За трудовую доблесть». Позвал он стариков и женщин, р сказал о положении дел, выбрал узкое место и сказал:

— Вот тут мы и будем ладить нашу переправу.

Застучали топоры, завизжали пилы, наплись рубанки, отыскали гвозди, веревки и работа закипела, а через два дня был построен «О ловский» паром. День и ночь сновал паром между берегами Волги, и каждым часом на правом берегу оставалось все меньше и мень скота и повозок орловцев.

Шаблий ночей не спал. У него болели глаза, но он думал толь об одном: поскорее перевезти за Волгу скот и людей.

— Вы отдохнули бы маленько, товарищ Шаблий. На вас ли нет,—разве так можно? — выговаривала ему пожилая колхозница.

— Вот, Ивановна, перевалим па ту сторону, там можно будет выспаться, — отвечал он и тут же кричал:

— Колхоз Свердлова — ваша очередь! Не спешите! Тише, тише, жеребенок может упасть.

И когда, действительно, падал в воду теленок или жеребенок, Ша лий считал за обычное прыгнуть в воду и спасти животное.

Вот прилетел вражеский самолет, сделал над рекой петлю, швырн сбоку парома несколько бомб и улетел.

Встали с земли люди, и над Волгой опять слышится бодрый гол предрайисполкома:

— Живей, живей, товарищи! Начинают и к нам немецкие гос наведываться...

Так и не знал покоя Шаблий, пока за Волгой не оказались скот люди двадцати девяти колхозов Орловского района.

Не знал отдыха и директор овцеводческого треста Беленко: худо со впалыми от бессонных ночей глазами, в запыленной, пропахшей п том одежде, метался он взад-вперед у Никольской переправы, нервн чал, а дело от этого не улучшалось. Тогда он сказал начальнику поли сектора Областного земотдела:

— Если мы так будем работать,—до «белых мух» застрянем здес Надо брать переправу в свои руки.

— Да, возить полтораста тысяч голов такими темпами никак не дится. Соберем-ка людей, да посоветуемся. Посылай за народом...

До совещания Беленко успел побывать у начальника пристани, говорил с представителем Наркомата совхозов, с работниками Ростовского Обкома партии, а к вечеру бригада плотников совхоза построила причале широкий, прочный трап, огороженный по обе стороны ретками. Беленко поставил, где надо, лучших людей, ввел на переправе двухсменную работу, и дело пошло хорошо. Овец стали возить же на пассажирском пароходе.

На второй день, вместо пяти тысяч, перевезли одиннадцать тысяч ец. Но тут подметили, что на каждую погрузку парохода уходит много времени — час-полтора.

— В чем тут загвоздка? — спросил Беленко у стариков-чабанов.— Почему овца идет на пароход медленно?

— Дело вот в чем: овца всегда идет дружно, если в отаре есть кол-вожак. И еще: не следует овец за сутки до погрузки поить, тогда они охотнее пойдут к воде: подумают—водопой, — ответили седобородые чабаны из Гашунского совхоза.

Нашли козла. Привели его на пароход. Повесили на шею ленту с колокольчиком.

— Чорта на нашу посудину ведут!.. Вася, Вася, миленький козлик, ди сюда, гость дорогой! — потешались матросы.

Советы бывалых чабанов оказались дельными. Погрузку овец довели до пятнадцати тысяч голов в сутки, а времени затрачивалось на каждую погрузку минут двадцать.

— Вот-те и козел! — восхищался Беленко. — Ведь замечательный помощник, сукин сын, а?!

Овцы Первомайского совхоза были более смелые и хорошо шли на баржу без козла. Директор совхоза Корчагин шутил:

— Мои овцы—дисциплинированные, не то, что у других.

Но едва Корчагин переправил на левую сторону баржу с пятью тысячами своих «дисциплинированных» овец, налетели вражеские самолеты.

— Людям—рассредоточиться! Шамарину и Руденко быть со мной,— звучно распорядился Корчагин.

Люди рассыпались по берегу, по тальникам, а Корчагин с двумя агрономами, под вой бомб и всплески воды от разрывов, продолжали разгружать баржу, и овцы, действительно, спокойно сходили на берег. И когда на берег сошла последняя овца и сгружена последняя телега, в борт баржи попала бомба и вызвала пожар.

* * *

Последним уходил за Волгу Пролетарский овцеводческий племенной совхоз № 1.

Лежа на берегу в ожидании погрузки, беседовали два старика: Филипп Аландаренко, работающий чабаном уже сорок лет, доведший до

Волги полностью отару племенных баранов, и Андрей Дурман, чаба нующий в Пролетарском племхозе двадцать лет.

Аландаренко говорил:

— Да, натерпелись на этом пути. Сколько раз были на волосок смерти! Ну, теперь-то ничего: до матушки-Волги добрались, овеч своих спасли, не попользовался ими супостат Гитлер.

— Пришлось на старости лет и мне более тысячи верст отма хать, — промолвил Дурман. — И я ни одной овцы из своей отары потерял за дорогу. Вот уже два месяца, как мы из дому снялись. Что то теперь там, в нашем племхозе делается?

Замолчали старики. Всплыли в памяти совхоз, степи бескрайни где знаком каждый кустик, каждая былинка, где все—свое, близко где так радостно было жить и трудиться.

...Много мук пришлось испытать донским людям на волжских пер правах, но ничто не могло сломить их воли. Месяц переправляли о народное добро — скот, тракторы, комбайны и даже старые колеса телег — все пригодится за Волгой.

Председатель Романовского райисполкома Василий Хижняк сказали

— Транспорт наш за дорогу разболтался основательно, а здесь, левом берегу Волги, есть лес, пригодный для починки телег и ярм, ест и хворост и чакан для устройства будок. Не остановиться ли нам несколько дней и «подлататься»? Впереди ведь еще дальний путь...

Предложение это было одобрено и все сейчас же после перепра принялись за работу. Спешно чинили телеги, сооружали на них буд из хвороста и чакана, колхозницы наспех шили одежду, сапожники ла дили ветловые и ольховые колодки, натягивали на них сырую ко для пошивки чувяк.

Все готовились в далекий, неведомый путь — в Казахстан, о кото ром многие либо совсем ничего не знали, либо имели туманные пред ставления. Ясно было лишь одно: это где-то далеко, далеко. А даль неизвестность пугают, томят душу: «Что это за места? Сколь далеко Что за люди живут там? Как они нас примут с таким хозяйством?»

Остановку за Волгой делали все районы. Зеленые травы лугов, ч стая и свежая вода, прохлада в лесах и кустарниках—манили к от дыху.

Среди тысяч повозок и людей днем и ночью мелькали районные р ководители и представители областных организаций. Вокруг них соби рались толпы, слышались вопросы:

— Какие известия с фронта?

— Что со Сталинградом?

— Как там со вторым фронтом?

— Нет ли газетки почитать?

Вот только что окончил беседу с колхозниками секретарь Цымля ского райкома партии Иван Кононов и его окружила молодежь.

— Иван Владимирович, ваши сапоги каши просят, — подшучиваю

над ним девушки. — Давайте мы вам свяжем поски из конского волоса.

— Ничего, девушки, пока — тепло, а похолодает — можно и носки связать.

— А что это вы желтый, как лимон?

— Больной я, малярия трясет.

Наконец, все привели себя в порядок. Починили телеги, заштопали одежду, надели сыромятные чуни на потрескавшиеся, изранетные колючками ноги. Пастухи и чабаны перекинули через плечи бичи и гикнули, и опять дальше на восток пошли конские табуны, опять заскрипели телеги с покачивающимися на них кибитками, рассыпались по дорогам неисчислимые отары овец.

Позади была теперь великая русская река,—могучая, полноводная, в кружевами кустарников и лесов на пологом левом берегу. Вспыхнула и замолчиво в последний раз на солнце и потерялась за лесами, и опять открылись перед донскими людьми истомленные зноем, песчаные жаркие степи.

Вот с кнутами на плечах шагает молодежь из колхоза имени Ворошилова, Дубовского района. Шагают и поют песни. Их знают все: Саню Калмыкову, Сашу Пупкову, Зою Котельникову и Жору Бородина.

Рядом с ними идет старый колхозник Цымлянского района Иван Клевцов. Когда они закончили песню, Клевцов сказал:

— Хорошо играете, детки. И песни у вас все славные, радостные, прямо даже не верится, какие страсти пережили. Вот хотя бы и я: подошел, помню, к Дону, а там — от бомб до неба водяные столбы. Глядь и надо мной бомба воет. Кинулся я, грешным делом, на землю, а коровы врассыпную. Осерчал я тут на бомбы, вскочил на ноги и стал гоняться за коровами, ну, собрал всех. Еще в астраханских степях и на Волге-матушке спас скот и чуть богу душу не отдал. А я с двадцать четвертого года в колхозе живу,—страсть как жить хочется! Вот и спасаю артельное добро от лютого ворога. Тяжко мне, но раз Сталин приказал все от немца укрыть—стало-быть, приказ тот—святой закон и его надо выполнить...

* * *

Казахстан... На сотни километров раскинулась вокруг вековая целина, и ее крепкий дерн испокон веков не вонзались ни соха, ни плуг. Весной здесь ласково светит солнце, ветер мягко волнует серебристые ковыли, и птицы над ними поют с утра до вечера. Но сейчас лето. Ковыли зачахли, солнце жжет огнем. Итти становится все мучительней.

Колхозники нерадостно говорят:

— В астраханских степях туго довелось, а тут, кажется, похлеще будет. Какой уже день идем, и нигде не встретили живой души.

— А я все вспоминаю свой родимый тихий Дон, станицы, сады вишневые. Эх, полететь бы туда на крыльях, глянуть хоть на курени душу отвести, да вражина теперь засел там.

— Вражину того наши выгонят скоро, а вот по пескам этим че... тячим я далёко не уйду — силов нету.

— Говорят, до реки Урала с полмесяца придется двигаться... Э... попался б мне тот Гитлер! Кишки бы на руку намотал и душу вы... трошил, хоть и старый я. Вот до чего он меня довел: вошь в одеж... завелась за дорогу! Страмота!

...С каждым новым километром степь становится все пустынне... Тяжело стало с водой. Часто обманывают степные миражи. Кажето... вон там, недалеко, блестит на солнце вода, а подходишь ближе — в... та же степь, выгоревшая и безмолвная.

Казахи делали все, чтобы помочь перегону скота: вырыли в сте... сотни колодцев, у каждого поставили проводников.

У одной группы таких колодцев остановился ночью колхоз им. Тел... мана. Широким кругом разместили колхозники восемьсот племенны... лошадей, семьсот голов рогатого скота и свыше двух тысяч овец. Э... пылали у арб костры, запахло кашей и пресными лепешками, посл... шались веселые песенки. Но в одном таборе было тихо.

— Чем вы так озабочены? — спросили у председателя колхоза Д... нисова.

— «Подарок» заболел,—не пьет, не жрет. А такого производите... во всем районе не сыскать...

— Кипятите ему воду и заваривайте ее травой, вроде чая,—пос... ветовал зав. райзо.

Так и сделали. Пять суток больного жеребца поили «чаем», и т... выздоровел.

...Время бежит, как горная речка. Только было лето, а уже нач... налась осень. Ночи стали холоднее. Степи стали беднее растительн... стью, но «богаче» дикими зверями.

Как-то у костра в глухую полночь колхозники тихо беседовали ... пройденном пути. Лежавшая поодаль собака навострила уши.

— Не зверя ли почуяла?

— Что мудреного, может и так... Киньте-ка побольше полыни ... огонь.

В следующую минуту собака зарычала, бросилась в сторону отар... насчитывавшей более двух тысяч овец. В таборе поднялся перепол...

— Волки! Волки подходят!

— Заходите со всех сторон! Сбивайте в кучу овец! Гремите ... ведра! — кричал Фролов.

Собаки, неистово лая, кидались в темноту, колхозники шумели ... во что горазд, овцы заметались в беспокойстве, но их сдерживали. К... то начал палить из ружья. Волки, поблескивая в темноте огонька... глаз, несколько раз бросались к отаре, но безуспешно.

Часа через полтора в таборе все угомонилось. После долгих с... ров единодушно решили, что волков было не меньше пятидесяти.

В эту ночь в соседнем колхозе им. Кирова убежали в степь ...

ли,—видимо, напуганные волками. Бросились было колхозники ис-
ь табун, но куда итти, куда скакать? Темень, хоть глаз выколи...
Председатель колхоза Корнев вспомнил, что одна из убежавших
адей—«Тума»—ходила в упряжке с верблюдом, и велел Степанцеву
ать ее верхом на верблюде.
Забрался Степанцев на верблюда и исчез во тьме. Долго блуждал
по степи, много раз ревел верблюд, и диво: где-то вдали послыша-
неясное ржание. Верблюд быстро зашагал в эту сторону, и вскоре
в Фомич разыскал «Туму» и всех лошадей.
Переночевали, отдохнули таборы, а на утро двинулись дальше, к озеру
ахоль. И опять хлопанье кнутов, крики погонщиков и скрип телег
тройным шумом покатились над пустынной степью, и опять люди то
село вытаскивали телеги из песка, на всякие лады понося дороги.
— Не дорога, а одно мученье!—досадовал дед, подставив спину под
у и понукая волов.
— Что и толковать, — маята—ехать по песку, — посочувствовал
секретарь Покровского сельсовета Текучев, и подставил под теле-
свою спину.
Но вот, наконец, и озеро Карахоль. Лежит оно—огромное и дале-
—в сухой, малолюдной степи Западного Казахстана. Оно неглубокое,
осло кугой и чаканом, но вода в нем чистая, годная для питья. Од-
о, по мере подхода таборов, вода у берега делалась все мутней, за-
знялась и вскоре ее стало невозможно пить.
Смотрел, смотрел на месиво у озера председатель колхоза им. Ка-
инина Артановский и сказал своим людям:
— А ну, хлопцы, попробуем сделать мостик к чистой воде.
Собрали кое-какие бревна, доски, липшие корыта, устроили гати и
ли водить скот к месту водопоя.

* * *

Десятого сентября 1942 г. группа работников Ростовского Обкома
ртии вошла в старую избушку на окраине Уральска. Стены этой хи-
ины были сложены из толстых полусгнивших бревен, позеленевших
времени и поросших мхом. Избушка наклонилась и казалось, что
вот-вот повалится. Маленькие окна и двери покосились, и закрыть
можно было только приноровившись. Крыша — ветхие дырявые
ски.
— Здравствуйте, мамаша! — почти хором произнесли гости. — Мы
ам по рекомендации Наташи, что на Карахоле ветврачом работает.
росим временно пустить нас, пока найдем себе квартиру.
— А вы кто же будете? — спросила их подслеповатая, сухонькая
рушка.
— Мы — ростовчане... Руководим перегоном скота.
— Так, так, хорошим делом управляете, сынки. Мой покойный ста-
,—царствие ему небесное — никому не отказывал в приюте: так у

нас, по русскому обычаю, заведено испокон веков. Раздевайтесь, я гунок нагрею. Правда, чая-то у меня нет, но кипяток живо при товлю.

От чая согрелись, а когда старушка натопила печь — жарко, сибирски, — все так разомлели, что засыпали сидя. И старушка ста готовить постель. Но ноги самого длинного гостя не помещались комнате. Тогда решили длинноногого положить посредине комнаты, гами против двери, и вскоре все уснули богатырским сном.

В Уральске ростовчане договорились с руководителями Западно-захстанской области о том, где и как разместить на зиму свое хоз ство — полмиллиона голов скота, несколько десятков тысяч люд транспорт. Было решено: оставить в Уральской области только ча скота совхозов, а остальную часть и весь колхозный скот гнать да ше — в Актюбинскую и Чкаловскую области.

В начале октября к Мергеневской переправе через Урал подош скот колхозов и совхозов Ростовской области. Переправа работала м ленно. Тогда секретари райкомов партии собрали плотников, кузнец раздобыли бочки, веревки и через два дня построили мост, — утл зыбкий, но все же мост. Прогнали по нему небольшой косяк лошадей ничего, выдержал, хотя и погружался на полметра в воду.

Потом подмостили еще немного бочек, укрепили и стали перепр лять повозки.

Вот только-что благополучно прошел по мосту крупный рогат скот Орловского района. Вслед за ним начали переходить отары дру районов. Осторожно, тихо гнал восемьсот овец чабан Михаил Сергее Трегубов, и вдруг на самой середине мост разорвался. Еще несколь секунд — и тысяча овец пошла бы ко дну.

С берега доносились взволнованные, противоречивые крики:

— Гони назад!

— Спасайся сам! Чорт с ними, с овцами!

— Придержи малость, мы поплывем с веревками, свяжем!

Старому чабану было ясно: если хоть одна овца бросится в ре тогда все остальные кинутся туда же,—такой уж нрав у этих жив ных. Обливаясь от страха холодным потом, Михаил Сергеевич ласк позвал:

— Маш, маш! — И, как бы играя с овцами, стал увлекать их собой к берегу. «Да неужто не спасу? Столько верст гнал — и ни ной не утерял, а тут—такая напасть...» — думал он и продол звать овец:

— Маш, маш!

Овцы покорно шли за ним сначала поодиночке, а потом всей отар Наконец, Михаил Сергеевич ступил на берег, а через минуту вся отара уже пощипывала редкую, выбитую травку.

Вытер холодный пот с бледного лица старый чабан, глубоко вз нул и молча перекрестился.

Вскоре мост связали, опять по нему пошел скот, люди на себе по-
ли повозки, матери за руки повели малышей с загорелыми и за-
анными личиками, а потом со своей отарой тронулся Михаил Сер-
ич.

Рядом с ним шел бывший красный партизан гражданской войны
ухин, потерявший на войне ногу и больше двадцати лет пользо-
ийся протезом.

— Ты, как я помню, ходил на кожаной ноге, а теперь на деревян-
колдыбаешь, — куда же делась та нога? — спросил Михаил Сер-
ич.

— При бомбежке на Волге протез отхватило осколком, да так чи-
что и куска на набойку не осталось.

— Гм, так ты сядь на арбу и езжай. Зря себя мучаешь... Людей,
ли, в вашем колхозе нет?

— Девчата и мальчата. Что с них спросишь? Война, милок, пото-
иду... Давай лучше свернем по козьей ножке.

Вот с гордой осанкой идет старик Крыжко из колхоза «Общий
». Гонит он девяносто лошадей, шестьдесят голов рогатого скота
полтораста овец. Идет и весело посвистывает. Можно подумать, что
стье несет его на крыльях, а у него—два сына погибли на фронте,
третьего немецкие звери расстреляли. Тяжело на сердце у старика, а
виду не подает.

Вот только что поднял с тырла свою большую отару Савченко из
за им. Ворошилова, Заветинского района. Казалось, сидеть бы ему
подводе, в кибитке из чакана,—ведь он старый, безрукий инвалид
жданской войны. Но он, со своей малолетней дочерью Марусей, со-
вождает отару. Когда на-днях колхозники узнали, что им надо
еще семьсот километров, некоторые, помалодушнее, начали вор-
Тогда Савченко сказал своей дочке:

— Погнали, дочка, пущай они тут митингуют.

Вот, помахивая хворостинкой, гонит скот совхоза Анна Дорошевич.
ее, дважды орденоносец, погиб смертью храбрых на фронте Оте-
ственной войны. Раньше Анна Григорьевна не работала, но когда
хоз стал готовиться к эвакуации, она сказала директору:

— Муж погиб на войне, не могу оставаться здесь. Погоню скот.
Взяла дочурку, прихватила кое-что из вещей и вот ведет скот уже
ыше трех месяцев.

И таких было сотни, тысячи...

* * *

Недалеко от переправы, на левом берегу Урала, остановилась в
тарниках линейка. Секретарь Дубовского райкома партии распряг
шадей и, спутав их веревкой, пустил пощипать траву.

Его обступили колхозники. Мнутся, переступая с ноги на ногу, ку-
, а что-то молчат. Видно, какие-то невысказанные мысли томят их.

— Как дела, старики? Что такие невеселые? — спрашивает кретарь.

— Тяжело приходится, Владимир Петрович, — наконец отве один из дедов. — Считай, больше тысячи километров отмерили, д ли — остановка, ан выходит, в какую-то Актюбу надо итти, еще семьсот километров киселя хлебать. Люди измучились, худоба ст вится, повозки разваливаются, а уже октябрь на дворе. Нужно тут таваться. Дальше итти нет мочи.

— Все это так, товарищи, но здесь нет кормов, — отвечает се тарь райкома. — Слов нет—далеко, но придется итти, отцы.

— Сколько ни толкуй, а итти надо, братцы. И я советую торо ся,—сказал инвалид Отечественной войны, предколхоза «Сальский рец», Коломийцев и тронул в путь несколько сот голов рогатого с и овец.

Старики посмотрели на него, поговорили с руководителями обл ных организаций и направились в Актюбу.

Чтобы поднять настроение людей, секретарь Романовского рай партии предложил:

— Давайте, хлопцы, организуем свой походный хор.

Эту мысль подхватили комсомолец Витя Хижняк и его товар Вскоре—спелись, и романовчане пошли с веселыми песнями.

«Хорошо поют»,—думал секретарь райкома, и грудь его наполня радостью за своих людей, за весь колхозный Дон.

Да и как не радоваться? Вот вслед за старенькой арбой по п ной дороге идет подросток лет тринадцати. На нем—просторные от ские сапоги, нахлобученная до переносицы, засаленная казачья ражка с красным околышем. Шагает он чинно, гордо и время от в ни строго покрикивает на волов:

— Цоб, цоб, — чего вы тащитесь, как мертвые?

Это Коля Клименко, из колхоза «Путь Ленина», Романовского опа. Когда фронт был недалеко от хутора, погнал он на восток ш десят восемь голов рогатого скота колхоза и доставил его в восто районы Ростовской области. Но когда и там началась эвакуация, погнал гурт к Волге, попал под бомбежку, едва не поплатился жизнью, но скота не растерял, и вот довел его до Казахстана. По секретарь райкома и разговаривал с ним, как со взрослым.

— Здорово, Николай. Как дела?

— Здравствуйте. Ничего, помаленьку идем, да вот беда—телка на пристала.

— Оставь ее соседям на передержку и возьми расписку.

— Не могу. Это—«Фиалка». Когда я в прошлом году учил школе, наш пионерский отряд взял шефство над телятами кол Эта телочка была моей подшефной. Подвезите ее, пока ей полег

Секретарь взял телку на дроги, расспросил, как и что у не таборе.

— Не отбивайся, Николай, от людей, держись к старикам ближе.
Коля расцвел от такого внимания, и загорелое лицо его вспыхнуло
ливым румянцем.
Медленно и тяжко тянулся путь. Пески и многочисленные перека-
конец измучили людей и животных. Чтобы как-нибудь ехать, надо
запрягать по две-три пары волов в одну повозку, но и в этом
е то и дело приходилось вытаскивать повозки из песков. Ноги от-
вались итти, спины болезненно ныли, руки отекали, как у боль-
водянкой, но люди продолжали путь и ни одной повозки не бро-
Каждый знал: весной—снова домой, а тогда—ой, как нужны бу-
ти телеги! Потому колхозники и тянули на себе дроги и арбы,
йки и вагончики, а если ломалось что—разбирали на части и вез-
собой даже железную рвань от колесной шины,—пригодится и
в свое время.
Некоторые стали хитрить. То сошлются на заболевания детей, на ус-
ть волов или лошадей, то украдкой перемолвятся с руководите-
какого-нибудь казахстанского колхоза и, смотришь,—исчез табор,
нул со шляха, да и пристал где-нибудь в одиноком степном посел-
на зимовку.
Степи широки и за каждым колхозом не усмотришь—их сотни идут
всех направлениях: и на Актюбу, и на Чкаловск, и на Саратов и
вск. Были и такие, что и в Куйбышевскую область направились.
Всех волновало: — Когда же конец? Что ожидает впереди? Как
ут в Казахстане? Хватит ли там места для жилья, помещений для
та. кормов?
Поэтому и вызвала у донских людей такой интерес встреча с пред-
ителями Актюбинской области. Их засыпали вопросами:
— Говорят, там у вас, вместо хлеба, придется есть жареное пшено?
— А жить будем в степи, в кибитках?
— Где вы разместите такую уйму людей и животных?
— Ну, что вы, товарищи, говорите такое? Есть, конечно, у нас и
б и хаты, как у вас на Дону,—все есть! Не задерживайтесь толь-
ите быстрее, а то в пути может застать пурга, и тогда плохо
дется.
К концу октября почти все колхозы прошли через приемные
ты Актюбинской области. Казахи встретили донских людей по-
тски.
На приемных пунктах, затерявшихся в степных просторах, на сот-
километров от Актюбинска, они построили, на случай непогоды,
ные и удобные базы для скота да еще и побелили их до сверкаю-
белизны, доставив мел за многие километры; вырыли десятки
ких, как пруды, колодцев с замечательной водой; устроили пре-
ные, не по-степному обширные и чистые, бани, с паром, с камера-
для прожаривания белья и одежды; организовали питательные пунк-
и готовили для прибывших людей вкусную и горячую пищу

и какой-то особенно пахучий чай; для ночлега хорошо оборуд
ли несколько землянок; много теплой одежды припасли на всякий
чай, — словом, встретили так, как если бы принимали родных,
их людей.

— Зря языки чесали, что тут плохо. Смотрите, как хорошо вс
чают нас люди, — говорил старший ветврач Зимовниковского р
Шурдуков.

— Прием, что и говорить, замечательный. По этому случаю я п
лагаю пойти в баню и помыться, — отвечал председатель колхоза «
го-Дон» Добот, доставивший сюда две тысячи шестьсот овец, св
ста лошадей и двести голов крупного рогатого скота. — А потом
пустим по маленькой, по русскому обычаю. Тут, милый мой ветери
и водчонку дают нам. Вот какой нам почет! Да что водку! Жилье
казахи, валенки, шубы, по паре белья — вот какой сердечный на

Шурдуков — бывший колхозный фельдшер. Он много работал
собой и стал квалифицированным специалистом. На всем длител
пути он был душой колхозников своего района, и ни одна овца,
один теленок не пали в колхозах его района ни до Волги, ни после
рехода через нее. Это они, зимовниковские колхозники, по шесть
километров на руках несли ослабевших телят.

Или Бутаков, ветврач Орловского района.

Много забот и тревог было у Бутакова на всем пути. Сорок т
голов скота и овец было на его попечении — шутка ли? Надо в
побыть, ничего не упустить. И он везде бывал и ничего не упус
лечил скот, давал советы. Везде и всегда можно было встретить э
человека с медалью на груди — наградой на Всесоюзной сельхозвыс
ке за хорошую работу в Орловском районе, где колхозы и сов
давно забыли про всякие болезни животных.

Вот Бутаков сидит на ковре, поджав под себя ноги, и хозяин
угощает его и секретаря Орловского райкома Данилкина казах
чаем.

Данилкин улыбается.

— Не умеете вы, Бутаков, ноги делать калачиком. Смотрите,
я устроился!

На ковре появилась большая эмалированная чашка с бишба
ком — особо, по-казахски, приготовленным мясом. Хозяин дома б
куски бишбармака и острым, как бритва, ножом разделывает его
мелкие кусочки. Затем поливает отваром—супой, долго мнет и п
лагает жирное, вкусное блюдо гостям.

Гости едят с удовольствием, восхищенно замечают:

— Здорово сделано! Жаль, что у нас так не готовят.

После обеда Бутаков сказал Данилкину:

— На дворе падает снег и ветерок начинает потягивать с вост
Хозяин нам говорит, что будет пурга, а у нас тысячи овец в п
Надо принимать меры.

Действительно, часам к четырем после полудня началась метель, к вечеру на огромном степном просторе, с очень редкими селениями, разразилась пурга.

Защемило сердце у гонщика колхоза им. Ворошилова, Заветинского района, Белянского. Жалко ему колхозного добра, боится он и за детей своих—Митю и Дуню, которые идут вместе с ним.

Ревет скот, жмется к табору, к людям, ища у них защиты. Что делать? И старый колхозник говорит детям:

— Вот что, детки. Погибнуть—дело простое, а вот спасти и себя и скот—это дело нелегкое. Надо подумать, как быть.

— У тебя, батя, нос белее мела,—три его варежкой, а то отмерзнет, — отвечает Митя. — Ты пока залезь под полсть, согрейся, а мы с Дуней посмотрим за скотом.

— Нос-то потру, ну, а медлить нельзя. Я вот что, детки, надумал: Митяшка, будь здесь, на месте; ты, Дуняша, стань по ту сторону передних повозок; я зайду вон с той стороны, от ветра, и начнем мы скот понемногу кружить около табора. Худоба никуда от людей не убежит, все время будет легонько двигаться и согреваться, да и нам самим будет веселее и не так страшно.

Свистит пурга, кружит снег, слепит глаза снежной пылью, и Белянский кружит стадо скота возле табора, то и дело спрашивает у детей:

— Ну, как, детки, не замерзли?

— Нет, батя, даже весело стало! Вот немного дрожала телка, так я ее потер варежками, теперь не трясется, — сквозь свист метели кричит ему Митя.

Гоняет скот семья Белянских по кругу то в одну, то в другую сторону. «До утра дотянуть бы, а там, глядь — недалеко может скирда или жилье какое обозначится. Лишь бы не уснуть только—тогда каюк и скоту, и нам»,—думает старик.

— Батя! — кричит ему сын спустя немного времени, а он молчит. Испугался мальчуган, подбегает, а старик, опершись на навильник, уснул стоя и очнулся лишь после сильного толчка.

— А, что? Волки?

— Какие там волки? Ты заснул, батя!

— Не может быть! Только ж сейчас разговаривал. Неужто заснул? Это—страшное дело. Давай, сынок, вместе гонять скот.

Так всю ночь Белянские гоняли скот вокруг табора, а на заре пурга стала немного затихать, и вдали что-то замаячило. Вскоре стало ясно, то был хутор.

Весь скот спасла семья Белянских и благополучно пригнала его к месту на зимовку.

В эти тяжелые зимние дни много хлопот выпало на долю районных руководителей. На тачанке, запряженной тройкой добрых донских коней, посвистывая и почмокивая на лошадей, носился по степи Данил-

кип. От табора к табору ездил Сополев, обросший рыжей щетино
черном полушубке, подпоясанный длинным кушаком.

Колхозники Казахстана отвели для эвакуированного скота луч
скотные дворы и кашары, лучшие стога сена и соломы были предос
лены для корма животных.

Несмотря на тесноту с жильем, гостеприимный казахский народ
шел достаточно теплого места для донских людей, вынужденных
время покинуть родные места. В каждом улусе население Казахст
по собственному почину, освободило совсем или частично по неско
хат и уступило их донским своим братьям.

Особенно большую заботу проявили руководители Актюбинской
ласти. Месяцами находились они на трассах перегона скота, всюду
ставили проводников, доставляли к таборам продукты и одежду,
слали грузовые машины, на которых подвозили детей и матерей к
стам зимовки.

И ожили, повеселели люди Тихого Дона на новом месте, уверен
стали чувствовать себя в непривычной обстановке, и обосновались
казахских улусах жить до лучших времен и трудиться во имя поб
Родины.

* * *

...Прошел год. Отгремели по донским степям грозные бури вой
прогнала легендарная Красная Армия кровавых захватчиков проч
казачьей земли. Вновь вернулась в станицы вольная, радостная со
ская жизнь, и потянулись бесконечные вереницы людей Дона по
комым путям-дорогам, возвращая Родине спасенные от врага со
тысяч голов скота, народное добро.

И когда вдали завиднелись с детства знакомые, милые сер
родимые степные просторы и величаво-спокойно засверкала
кальная лента вольного Дона, а в туманной дымке забелели роди
курени, — на колени падали люди и целовали святую русскую зе
и плакали от счастья и радости, что земля опять свободна и вол
как птица, что вновь они будут жить на ней и трудиться во имя
стья людского навеки.

Но что же сделали с благословенной этой землей фашистские
вары, во что превратили благодатные степи донские, синеокие каза
курени? Всюду—черные пепелища на месте хат и колхозных и сов
ных построек, срубленные сады, взорванные школы и клубы, раз
санные, изуродованные части станков, комбайнов, тракторов, и бурья
бурьяны рыжие на месте прекрасных, златоносных полей.

Мучительно, больно было смотреть на следы этого бессмыслен
изуверского разрушения, и нельзя было без слез слушать рассказы
мажденных стариков и старух о жизни под ярмом оккупантов, стр
ные рассказы о повешенных, удушенных, отравленных, расстрелян
советских людях.

Погоревали, всплакнули вернувшиеся донские люди и сказали
роду:
— Нам было очень тяжко и страшно, когда мы шли на восток и
и скот. Но мы вспоминали имя вождя, и пережили невзгоды.
помним это дорогое имя сегодня и начнем строить жизнь сызнова.
С именем Сталина на сердце мы залечим раны войны, поможем на-
славной Красной Армии разгромить врага и вновь возродим наш
красный, наш вольный Тихий Дон, и в песнях суровых казачьих
несем по отчизне немеркнущую славу о мужественных сынах и до-
рях его, — патриотах, тружениках, героях...

Редактор М. Д. Соколов. Обложка художника С. И. Г

Изд. № 81/7780. Об'ем 2,0 п. л. Тираж 5000 экз. ПК 20
Типография им. Калинина РОУИиП и литография издательства „Мо
в Ростове на Дону. Зак. 2157

К брошюре М. К. Смотрова „Достойные славы“

Поправка

Страница	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
18	3	Областного земотдела	треста

Редактор М. Д. Соколов. Обложка художника С. И. Ги

Изд. № 81/7780. Об'ем 2,0 п. л. Тираж 5000 экз. ПК 20
Типография им. Калинина РОУИиП и литография издательства „Мол
в Ростове на Дону. Зак. 2157

Цена 2 руб.

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д., Морская, 135.